

Пшибышевский Станислав

Адам Джазга

**Роман: 2 и последих частях "Детей
горя"**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С75

С75 **Станислав П.**
Адам Джазга: Роман: 2 и последих частях "Детей горя" / Пшибышевский Станислав – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 272 с.

ISBN 978-5-519-80046-4

ISBN 978-5-519-80046-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

смерти, или еще при жизни выдѣлиться изъ себя.

Пожалуй, такое же состояніе при жизни пережилъ Данте; быть можетъ—Микель Анджело, Наполеонъ на островѣ святой Елены, Словадкій въ «Царѣ-Духѣ»... Охъ, какъ ихъ мало!

Я хотѣлъ поговорить съ собой—а между тѣмъ пишу статью и сію минуту поймалъ себя на томъ, что клеветчу на себя. Дѣло въ томъ, что говорить я хочу не съ собой, а совершенно съ другимъ лицомъ.

Она стоитъ здѣсь, возлѣ меня, свѣтъ ея глазъ струится въ меня солнечной пылью, я чувствую ея живое дыханіе, подобное благоуханію райскихъ садовъ въ часъ солнечнаго заката, вижу бѣлизну ея рукъ и золотое блистанье волосъ ея. Почему жъ я не смѣю заговорить съ ней, почему подавляю въ себѣ горячія, упительныя слова и песу всякій вздоръ о Молчаніи?

И соберусь ит. я когда-нибудь съ силами, чтобы заговорить съ ней, стоящей здѣсь, возлѣ меня, съ ней, которой пропитана вся моя комната?

О, пытка, пытка!

Я думалъ, что на двухъ вчерашнихъ страничкахъ закончится мое путешествіе въ недоступную для меня область воли.

Но странно: *l'appetit vient en mangeant*: послѣ того, какъ я взялъ одинъ фортъ, мнѣ

хочется взять другой. У меня даже есть уже цѣлый геніальный стратегическій планъ: буду терпѣливо брать фортъ за фортомъ, пока; наконецъ, не доберусь до самой крѣпости.

Такое сравненіе было бы банально, если бы не то обстоятельство, что я отчетливо вижу пунктъ, къ которому направляюсь и который, *coûte que coûte*, долженъ осаждать, между тѣмъ, какъ самъ притворяюсь, будто не вижу его и не хочу видѣть.

И въ то же время я сознаю, что пишу исключительно для того, чтобы оглушить себя, точно такъ же, какъ мой братъ Густавъ оглушалъ себя Ведантой, Здиславъ алкоголемъ, а Саля, сестра моя, проституціей. Впрочемъ, я сомнѣваюсь, что она прирожденная проститутка. Скорѣе, она занимается этимъ ремесломъ какъ нѣкоторымъ спортомъ... Единнокровный братъ мой Збигнѣвъ занимается выдѣлкой въ высшей степенн смертоносныхъ, начиненныхъ нитроглицериномъ апельсиновъ... А отецъ нашъ—ха-ха-ха!—глушилъ себя тѣмъ, что плодилъ дѣтей.

Этотъ спортъ я считаю въ высокой мѣрѣ пошлымъ. Но кто знаетъ? Можетъ быть, это очень благородно?

Такой человѣкъ—тоже *sui generis* герой: своей испорченной кровью вливаетъ онъ ядъ распада и дегенераціи въ жилы потомства, и передъ этимъ средствомъ уничтоженія человѣческаго рода нитроглицеринъ — ничто.

Такой дегенератъ, плодящій дѣтей, кажется

мнѣ сильнѣйшимъ изъ анархистовъ и въ тысячу разъ болѣе опаснымъ, нежели тотъ, который оперируетъ при помощи апельсиновъ: вѣдь—законы государства охраняютъ его отъ какихъ бы то ни было преслѣдованій.

Ну, я выбрался на широкую дорогу соціологій.

En avant!

Одинъ чахоточный наплодилъ шесть человѣкъ дѣтей. Отъ этого потомства произошло у него пятнадцать внуковъ. Всѣ умерли меньше, чѣмъ на протяженіи тридцати лѣтъ. Это значитъ, что человѣческихъ особей стало на 21 меньше.

Пусть-ка хоть одинъ анархистъ стараго или новаго свѣта похвастается двадцатью одной жертвой!

Одинъ крестинъ, плодящій дѣтей, обходится вмѣстѣ со своимъ потомствомъ государству, по крайней мѣрѣ, въ десять тысячъ рублей,—а повѣшеніе одного анархиста едва въ пятьдесятъ.

Ахъ, Збигнѣвъ, Збигнѣвъ! Слава Богу, у меня, наконецъ, есть съ кѣмъ поговорить. Видишь ли, Збикъ (такъ я тебя называлъ въ дѣтствѣ),—эта твоя система уничтоженія человечества при помощи динамита, нитроглицерина и тому подобныхъ средствъ—совершенно примитивна и кромѣ того опасна.

Пожени сто чахоточныхъ, дай имъ средства къ жизни—и вотъ, по крайней мѣрѣ триста жертвъ у тебя обезпечено; пожени сто крести-

новъ, и черезъ десять лѣтъ понадобится выстроить по меньшей мѣрѣ десять домовъ для умалишенныхъ,—а если ты знаешь, что такое геометрическая прогрессія, то легко можешь высчитать, что третья часть человѣчества должна будетъ трудиться ради содержанія чахоточныхъ, сумасшедшихъ, кретинновъ, эпилептиковъ, параноиковъ, паралитиковъ, преступниковъ и т. д.,—какъ тамъ они называются, эти благодѣтели человѣчества? Воистину, это благодѣтели, ибо трудятся во славу Дьявола, единственнаго друга этого несчастнаго человѣчества. Дьяволъ, говорятъ, носится надъ человѣчествомъ и ждетъ его гибели. Въ дѣйствительности, если ему и удастся свернуть человѣчеству шею, то опъ только окажетъ людямъ огромное благодѣяніе.

Ахъ, милый Збикъ (а вѣдь въ тебѣ, дѣйствительно, есть что-то напоминающее дикую кошку) *), я очень люблю тебя, но ты диллетантъ. Ступай учиться къ Дьяволу, погляди на его лабораторію, уединенную и таинственную: одна невидимая бактерія холеры, чумы, рака или сифилиса въ милліардъ разъ дѣйствительнѣе, чѣмъ цѣлый арсеналъ твоихъ бомбъ.

Кромѣ того, ты врачъ, и могъ бы быть хорошимъ помощникомъ Дьявола... Къ чему тебѣ эти химическіе эксперименты?

*) Збикъ—значить по польски дикая кошка.

(Прим. перев.).

Ecrasons la brute, глупое, ничтожное животное, называемое человечеством... Отлично. Но вѣдь можно же это сдѣлать тише, тише... Въ царствѣ молчанія эти вещи дѣлаются безъ шума, безъ вискѣлицъ, безъ хвастовства...

Пошлый міръ, которымъ шравить Богъ, міръ крика, шума, ежедневнаго вопля, міръ бомбъ, пороха, динамита... охъ, съ какой ласковой ироніей смотритъ на него Дьяволъ, Богъ Молчанія, которымъ все кончится.

Въ его молчаливыхъ садахъ выросъ чудесный цвѣтскъ, белена. Щедрая рука Всемогущаго Дьявола бросаетъ людямъ его сѣмена: Любовь.

Только въ молчаніи могла она зародиться, и въ молчаніи распространяется ядъ ея и сила ея по жиламъ адамова рода. Что сила стрихнина передъ силой этого цвѣтка Молчанія?

Я извѣдалъ эту убійственную власть. Съ той минуты, когда я впервые увидѣлъ ее, она управляетъ меня непрестанно. Она уже высосала изъ меня всѣ силы, она дѣйствуетъ медленно, но вѣрно.

Ядвига!

Ядвига!

Я пришелъ въ ужасъ, когда прочелъ послѣднюю страницу своего разговора съ самимъ собой и Збигнѣвомъ.

Это имя, которое я прочелъ на послѣдней страницѣ, потрясло меня сильнѣе, чѣмъ то мѣгновеніе, когда я впервые увидѣлъ ее.

Ибо въ саду Молчанія, у Всемогущаго Дьявола, рядомъ съ Беленой-Любовью цвѣтеть ядъ еще болѣе сильный: Дурманъ-Тоска.

Я тоскую, тоскую,—какъ мучительно я тоскую!

Ничто меня особенно не волнуетъ, но психологія Сали, сестры моей, все-таки останавливаетъ мое вниманіе.

Должно быть, мое психическое состояніе сильно поправилось, если я въ силахъ разобратся въ чужой душѣ.

Вѣдь Сали мнѣ совершенно чужая, несмотря на то, что она моя родная сестра...

Столько лѣтъ я не видѣлъ ея...

Съ непонятнымъ упрямствомъ повторяетъ она, что она—проститутка. Я въ это не особенно вѣрю: вѣроятно, это какая-нибудь фанфаронада, снобизмъ въ духѣ Гюйсманса. Она хотѣла бы быть какимъ-нибудь ядовитымъ scarabée d'or, но на это ея не хватитъ.

Она мнѣ кажется жалкой, безропотной рабой Збика. А Збикъ? О, нѣтъ, это хорошій, мягкій человѣкъ. Онъ забавляется динамитомъ и питроглицеринномъ, какъ ребенокъ пескомъ, и если я сейчасъ сказалъ, что Сали—его раба, то я нечаянно солгалъ.

Какъ разобратся во всей этой психологіи?

Сколько я ихъ помню, они всегда были вмѣстѣ... Ну, кого же, чертъ побери, это можетъ касаться? Коли имъ отъ этого хорошо?..

Саля лжетъ, все время лжетъ, но ея ложь—
нѣчто вродѣ болѣзненнаго обвиненія себя въ
преступленіи, котораго она никогда не совершала
и совершить не была въ состояніи.

Все это дурь: даже ея хореографиче-
скіе эксцессы. Все это—сплошное, отчаянное
à rebours.

И... ага, теперь я знаю, въ чемъ дѣло...

Я помню даже слишкомъ хорошо.

Вся почтенная, добродѣтельная родня собра-
лась въ комнатѣ, гдѣ на катафалкѣ покоился
огромный старикъ. Никому не было до него
никакого дѣла, всѣ глаза были обращены на
Салю, словно на какое-то гноеоточивое суще-
ство, которое надо бы отвезти въ пустыню или
въ лепрозорій...

А кто подошелъ къ пей, кто ласково ее
обнялъ и позвалъ къ себѣ?

Ядвига!

Да будетъ она благословенна!

Любопытная встрѣча была у меня сегодня...
Но это, вѣроятно, во снѣ. Мнѣ чрезвычайно
затруднительно отличать сонъ отъ яви.

Я былъ свидѣтелемъ уморительной сцены.

На небольшой площади у Монмартра разы-
грался оригинальный поединокъ.

Одинъ верзла, нагнувъ голову, кинулся на
другого, памфреваясь разбить ему грудную
клетку.

И тутъ произошло нѣчто необычайное.

Голова его застряла у другого на груди, и изъ множества ранъ ея струями хлынула кровь.

«Casse-la-Tête», я тотчасъ узналъ его, собирался свести какіе-то счеты со своимъ врагомъ, но... нашла коса на камень.

Тотъ, зная, что его ждетъ при встрѣчѣ съ «Casse-la-Tête'омъ» надѣлъ на себя панцырь, утыканный острыми гвоздями, и вотъ на всѣ эти гвозди угодила несчастный «Casse-la-Tête» своей вихрастой башкой.

Ахъ, какъ мнѣ мучительно хочется смѣяться при воспоминаніи объ этомъ снѣ... Или объ этомъ дѣйствительномъ случаѣ?... Не знаю... Но меня до сихъ поръ забавляетъ этотъ живой фонтанъ, бьющій изъ черепа «Casse-la-Tête'a»... Это что-то вродѣ сердца, пронзеннаго семью кинжалами.

Не вѣрю, что Саля была его любовницей.

И точно такъ же не вѣрю, будто мой братъ Здиславъ умеръ. Мнѣ и въ голову не приходитъ вѣрить въ такія басни... Вѣдь еще такъ недавно онъ цѣловалъ у Сали руку, а... а... или опять сонъ?... а Ядвига была его женой...

Тише... Тише...

Молчаніе! На помощь!

Все началось Молчаніемъ и все въ немъ исчезаетъ.

Оно—начало и конецъ, и я медленно тону

въ немъ. Тону, несмотря на то, что мучительно стараюсь противиться волнамъ его.

А что касается смерти Здислава, то это только мое больное воображеніе. Я не вѣрю въ это, какъ не вѣрю, чтобы Саля была проститутка... Но кто знаетъ?...

У меня такое впечатлѣніе, точно душа становится лунной. Что-то стынетъ во мнѣ, гаснетъ, подергивается льдомъ,—но гдѣ-то тамъ, въ невѣдомыхъ мнѣ глубинахъ, бушуетъ огонь...

Ядвига!

Все становится луннымъ: страданія, тоска, боль, радость,—все это постепенно зампраетъ, покрывается вѣчнымъ снѣгомъ... Можно ли представить себѣ болѣе прекрасный май новой жизни?

А бываютъ минуты, когда душа моя становится непреклонной и гордой именно вслѣдствіе этого олушенія, потому что... ахъ, какъ трудно выразить это словами: потому что она превратилась въ Молчаніе...

Минутами мнѣ кажется, что я пророкъ безумія, возвѣститель его откровеній, но все еще непрестанно, непрерывно звенить у меня въ ушахъ тяжелая, страшная тоска:

Ядвига!

Теперь, кажется, я больше не буду писать. Зачѣмъ? Къ чему? Я глубочайшимъ образомъ сочувствую людямъ, которые вынуждены зарабатывать средства къ жизни литературнымъ трудомъ...

Несчастные.

Бодлэръ высчиталъ, что для того, чтобы кое-какъ прокормиться, ему пришлось бы писать тридцать пять тысячъ стиховъ въ годъ... Что за чудовищная цифра! Не буду отбивать хлѣбъ у этихъ несчастныхъ. Къ счастью, у меня шѣтъ надобности въ такомъ заработкѣ, потому что я получилъ въ наслѣдство послѣ отца имѣніе, а кромѣ того, до меня дошло радостное извѣстіе, что братъ мой Здиславъ, мужъ Ядвиги, ступилъ за порогъ жизни и вошелъ въ царство смерти.

Я еще не въ состояніи понять, что Ядвига вдова. Оно и не удивительно: я еще не вырвался изъ подъ власти Молчанія и не могу отличить сна отъ яви... Но можетъ быть, это правда: Здиславъ умеръ, и Ядвига теперь свободна?..

Я долженъ еще разъ видѣть тебя!

Ты слышишь?

Вѣдь ты же должна слышать мой крикъ о тебѣ, вѣдь ты же видишь мои раскинутыя руки, ржазыми гвоздями прибитыя ко древу позора. Вѣдь ты же должна слышать, какъ я тихо подкрадываюсь къ палаткѣ Авеля, вѣдь ты